

Кир Булычев

Мамонт

*Часть сборника
Похищение чародея (сборник)*

Кир Булычев

Мамонт

«ЭКСМО»

1992

Булычев К.

Мамонт / К. Булычев — «Эксмо», 1992

«Петр Гаузе – коренной русак. Фамилия от предка, саксонца, который нанялся Петру Великому в драгунские капитаны, служил честно, поселился в России, скончался в бригадирском чине, окруженный детьми и внуками. Отсюда пошли Гаузе – преимущественно Петры, все коренные русаки. В конце полевого сезона 1976 года Петр Петрович Гаузе искал мамонта, но лодка перевернулась. Петр чудом выбрался из потока, вполз по осыпи повыше, оглянулся. От его лодки, припасов, документов, фотокамер, сигарет и дневников ничего не сохранилось – по стремнине несло одно весло...»

© Булычев К., 1992

© Эксмо, 1992

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	9
5	11
6	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кир Булычев

Мамонт

1

Петр Гаузе – коренной русак. Фамилия от предка, саксонца, который нанялся Петру Великому в драгунские капитаны, служил честно, поселился в России, скончался в бригадирском чине, окруженный детьми и внуками. Отсюда пошли Гаузе – преимущественно Петры, все коренные русаки.

В конце полевого сезона 1976 года Петр Петрович Гаузе искал мамонта, но лодка перевернулась. Петр чудом выбрался из потока, вполз по осыпи повыше, оглянулся. От его лодки, припасов, документов, фотокамер, сигарет и дневников ничего не сохранилось – по стремнине несло одно весло.

Горше всего без сигарет. Бог с ними: с едой, документами и теплой одеждой – страшно остаться в лесу без сигарет.

Петр Гаузе пошел вниз по реке. Сыпал мелкий дождь, ночью разве что не примораживало. Придется мамонту ждать до следующего лета.

На второй день, изголодавшись, промаявшись без сна под корнями поваленной ели, Гаузе решил срезать километров десять. Река делала петлю, вот и решил срезать. Если бы не так хотел курить, не посмел бы удалиться от берега.

Часа три пробирался сквозь бурелом, наткнулся на брусничную россыпь. Брусника еще не поспела, была розовой, мучнистой. Гаузе долго ползал от кустика к кусту, пока не показалось, что почти сыт. Тогда-то и потерял направление. Солнце не видно, облака цепляют за вершины деревьев, лишайники растут как вздумается и не показывают, куда идти.

Гаузе пошел туда, где ниже. Чтобы попасть к реке, потом к людям и к сигаретам. К вечеру отыскал ручеек, на его берегу переночевал, а утром ручей привел его в болото и кончился. Некоторое время Гаузе сидел на краю трясины и утешал себя, что другие бродили неделями, и ничего, оставались живы. Побрел дальше.

Совсем отчаялся, чуть не плакал – вдруг увидел железную дорогу. Принял ее за галлюцинацию, тем более что была она неполноценной: только насыпь и шпалы. Насыпь кое-где осела, шпалы расползлись.

Петр Гаузе пошел по шпалам. Шаг маленький – шаг большой, шаг короткий – шаг широкий. Размышлял: когда дорогу забросили? То ли ошибка царских инженеров, то ли причуда сталинских пятилеток. Километров через пять спустился с насыпи, пожевал брусники, но далеко не отходил: насыпь, как ниточка, выведет к людям.

Потом Гаузе нашел мертвого человека.

2

Ему не хотелось называть человека трупом. Это из области криминалистики. Гаузе поглядел на человека и понял, что в лесу водятся волки. А до того казалось, что только Гаузе и птицы.

У мертвого человека не было лица и кисти правой руки. Можно было полюбопытствовать, как устроена человеческая голова изнутри, но Гаузе этого делать не стал, а отвернулся и принялся искать глазами волков.

Моросил холодный дождик, он уже смыл кровь со шпал и теперь полоскал окровавленную траву между ними. Руки Гаузе совсем окоченели, он держал их в мокрых карманах.

Мертвый человек был одет теплее, чем Гаузе. На нем был стеганный ватник, теплые штаны и армейские ботинки. Наверно, он был охотником, да расстрелял все патроны, а ружье потерял.

Мертвому человеку ватник не нужен, можно снять. Только скорее, пока не стемнело. Но Гаузе медлил, ему неловко было раздевать другого человека. Он сосчитал до ста, потом до пятидесяти.

Петли ватника, пришитые с краю, были широкие, видно, охотник много раз его расстегивал. Потом Гаузе стал стаскивать ватник с рук, ворочать мертвого человека, который окоченел, словно нарочно расставил руки. Когда Гаузе повернул его на бок, увидел за спиной вещевой мешок. В мешке – горбушка черного хлеба, совсем размокшая, тряпки, нож с наборной ручкой, мешочек с разбухшей крупой, три куска мокрого сахара в бумажке.

Надо было отойти в сторону: неловко жевать при мертвом человеке. Но Гаузе не удержался, откусил от горбушки. Проглотить трудно, словно разучился жевать и глотать. Гаузе откусывал новые комья, чтобы протолкнуть ими те, что в горле застряли. Когда проглотил последний кусок, тут его и вырвало. Весь хлеб наружу – такая жалость! Его дергало, сотрясало, а он ругал себя за спешку.

Когда отдышался, положил в рот кусок мокрого сахара и стал сосать. Комочки хлеба и непереваренные розовые брусничины забрызгали все вокруг, пришлось ватник отряхивать, но кровь с него не сошла.

Гаузе натянул ватник – маловат, сыр, но вроде бы стало теплее. Штаны и ботинки с мертвого человека снимать не стал слишком.

Гаузе закинул за плечо невесомый мешок, нож сунул в карман, прикрыл тряпочкой лицо мертвому человеку и пошел дальше: широкий шаг, короткий, длинный, маленький, как шпалы велят.

Через сто шагов Гаузе увидел на шпалах серую ушанку, натянул ее, хоть мала и промокла.

Начало темнеть. Гаузе считал шпалы, но задумывался и сбивался со счета. Считал снова и чуть не пропустил недалекий гудок.

Гудок мог каждую секунду прерваться, надо было подойти к нему поближе, чтобы потом не заблудиться. Гаузе побежал, увидел справа просеку, которая вела к гудку. Он вытащил из кармана нож, от волков, и спустился с насыпи.

3

Петр Гаузе вышел к жилью, когда уже стемнело. Воздух стал синим, строения впереди – как кубики в тумане. Но тут врубили свет – звездами перед глазами фонари, кометами – лучи прожекторов. И уже не видно, что там, только живой свет.

Петр Гаузе, хоть и выбился из сил, сразу сообразил, что перед ним объект. Объект – это общее слово, включает то, что не деревня и не город.

Больше шансов в лесу увидеть объект, чем деревню. Объекты чаще стоят там, где никто не подозревает. В этом секретность и интересы государства.

Луч прожектора отыскал Петра Гаузе и пришил к земле, как булавка бабочку. Петр Гаузе с радостью подчинился. Сел на мокрую траву вырубки, сразу задремал, жаль только, документы остались в лодке, придется звонить, выяснять, хороший ли он человек, в самом ли деле палеонтолог.

Недолго нежился Петр Гаузе в дремоте: его разбудили грубым толчком, рядом – сапоги. Ему велели, чтобы он, сука, вставал, и заломили руки за спину. Отобрали ножик, мешок, а Гаузе повторял, чтобы товарищи не беспокоились, он сам пойдет, но его не слушали, и Гаузе был не в обиде: они имели право так обращаться с неизвестным лицом, вышедшим из леса. Такие функции у охраны объекта. Редко шпион попадает, но надежда на шпиона есть.

Щелкнуло сзади, кисти рук стянуло. Наручники? Пошел Гаузе вперед, скользя по грязи, прямо в солнце прожектора. И думал: когда уладится, они выпьют по маленькой, все мы славные ребята, настоящие русаки.

Земля под ногами стала тверже, значит, вышли на дорогу. А потом возник шлагбаум, ворота, загородки, солдаты, проволока в несколько рядов.

Прожектор отпустил глаз. Гаузе разглядел, что впереди длинные строения с решетками на окнах, а дальше большой дом, идти к которому по деревянным мосткам. Мостки вздрагивали, хлюпали и были скользкими.

Вот и рядом большой дом. Кирпичный, в три этажа. Застекленная дверь. Затолкнули Гаузе туда. Ну и холл! Он полукругом охватывал мраморную лестницу шириной метров в пять, которая вела, раздваиваясь, на второй этаж. Перила, округлые на концах, были украшены бронзовыми амурами. Ноги и низ животов амуров были отполированы до блеска – кто спускался по лестнице, хватался за них.

Из холла в стороны – резные двери, в стиле модерн начала века, навевают грусть по вольно выющимся женским волосам и струйкам сигаретного дыма. Хотел Гаузе попросить сигарету у конвоиров, да вспомнил, что руки заняты наручниками.

– Схватили? – спросил седой сержант, что сидел за столиком у одной из дверей. Перед ним листы бумаги, а пальцы – в фиолетовых чернилах.

– Полковник у себя? – спросил тот, кто топал сзади Гаузе.

Он вышел вперед, и Гаузе его разглядел. Капитан был высок ростом, гладок лицом. Лицо концентрировалось в центре, переходя в большой, устремленный, острый к концу нос. Все лицо было создано, чтобы служить носу фоном и стартовой площадкой. Казалось, и тело капитана, наполненное крепким тугим жиром, мягко ширящееся к поясу и сужающееся к коленям, таинственным образом служит опорой носу и самостоятельного значения не имеет.

Тут Гаузе и себя увидел в зеркале, схожем с дверью и висящем между дверей. И не сразу сообразил, что это он – старший научный сотрудник, кандидат наук П.П. Гаузе, коренной русак.

Бродяга в зеркале оброс рыжей щетиной, был грязен и страшен. Изношенная до крайности ушанка сбилась набекрень – одно ухо кверху, как у битого щенка, из-под нее – диким светом глаза, звериный взгляд, но трусливый. Мокрый окровавленный ватник растегнут, под

ним разодранная на животе куртка, не поймешь какого цвета, джинсы в грязи, а вместо ботинок на ногах – плюхи глины. Уголовный рецидивист, попался, когда в окно сельского магазина лез. Такому доверия нет. Понял это Петр Гаузе и сказал:

– Ну и дела!

Тут бы провести по лицу, убедиться, что ты – это ты, а руки за спиной онемели. И ног у входа не вытер.

Капитан обернулся от двери, прицелился носом в Гаузе, но тут изнутри послышалось: «Давай!».

Гаузе замешкался, старался вытереть ботинки один о другой, шмат грязи отлепился и шлепнул о пол. Солдат ему в спину автоматом ткнул.

Гаузе поспешил в кабинет.

4

За столом, лицом к двери, сидел полковник.

Видно, специально к встрече не готовился: мундир нараспашку, там серая фуфайка. А выбрит так, включая голову, что свет от хрустальной люстры отражается зайчиками и стоит головой пошевелить, как зайчики бьют в глаза, заставляют жмуриться.

Полковник – как солнышко, светл, округл, составлен из шариков. Все шарики разграничены и правильны. Шарики-щечки вылезают под шариками глазками, а над ними лоб – шаром более других.

Полковник посмотрел на Гаузе и огорчился его диким видом. Отвернулся, взял со стола пластиковый мешок – в таких крупы хранят, – приставил к пышным губам, надул шарики-щечки и стал пыжиться.

– Здравствуйте, – сказал Гаузе. – Не выйдет, в пакете дырка.

– Вот именно, – согласился полковник. – Погляди, Левкой.

Капитан сделал строевой шаг к столу, пригляделся носом и сказал:

– Так точно, прогрызено.

Уморительно сказал, Гаузе улыбнулся. Ну вот, кончились его скитания, люди ему попались милые, сейчас разберутся.

– Надо меры принимать, – сказал полковник. – Не хотел я на это идти, но придется. А ты, П-234, не улыбься, нет у тебя к этому оснований.

– Что с ним делать будем? – спросил капитан Левкой, имея в виду Гаузе.

– А номер он зря оторвал, – сказал полковник. – Недостойно это советского человека, номер с себя рвать. Значит, как за ворота, так и номер не нужен?

– Отвечай, – подсказал Левкой Петру Гаузе.

– Не понял, – сказал Гаузе, сохраняя на щеках ухмылку.

– Не понял он, – вздохнул полковник. – Непонятливый.

– Разумеется, – сказал Гаузе, – я виноват в том, что подошел близко к объекту, вверенному вам, но войдите в мое положение. Три дня в лесу, без пищи, а я ведь чуть не утонул, перевернулся в лодке, и все документы пропали. Вы можете позвонить в область, там вам все разъяснят.

Гаузе показал на телефонный аппарат, стоявший на столе. Теперь уж подошла очередь полковнику улыбаться. Что он и сделал. Пробежал толстыми пальчиками по телефонному шнуру, черная змейка тянулась-тянулась, вытянулась до конца. На конце белый бантик привязан, покачивается, а за бантиком черная крыса выскочила, подпрыгивает, играет с бантиком как котенок.

– По этому телефону позвонить? – мягко полковник спросил, без нажима, с некоторой только обидой.

– Простите, я не знал, – сказал Гаузе. – Значит, с другого аппарата придется звонить. А крыса такая смешная, ну ведет себя совершенно как котенок.

– А номер снимать не положено, – сказал полковник и, отпустив телефонный шнур, принялся снова надувать дырявый пакет.

– Зовут меня Гаузе, Петр Петрович, русский, 1940 года рождения, беспартийный, под судом и следствием не состоял, в плену и оккупации не был, родственников за границей не имею...

Полковник прервал его, подняв палец.

– Снятие номера, – сказал он, – приравнивается к экономическому саботажу. В то время как у нас каждый лоскут на учете, ты, П-234, нагло, посреди белого дня, выкидываешь его в кусты. А люди старались...

– Какой номер?

– А вот такой.

Полковник извлек из кармана грязную белую тряпку, в две ладони, на ней черным: «П-234».

– Не веришь, что нашли? Не веришь? А волки на что?

Гаузе пожал плечами. Ничего ему эта тряпка не говорила.

– Я искал мамонта, – сказал он. – Не нашел, потерпев крушение.

Вздыхнул полковник.

– На суде, – сказал он, – это может послужить водоразделом между жизнью и смертью.

А уж лишнюю пятерку я тебе гарантирую.

– Ты слушай, – посоветовал капитан Левкой.

Нос его приблизился к лицу Гаузе, откуда-то, неведь откуда кулак выскочил. И в подбородок Петру Гаузе врезал.

Петр Гаузе поднялся на ноги, раздумывая, откуда кулак взялся, если и полковник, и капитан смотрят на него с интересом, без озлобления, сами не понимают, зачем он на пол садился. Гаузе головой помотал, хотел возразить, но тут увидел на столе пачку папирос «Казбек». И так ему захотелось покурить, что непроизвольно сказал:

– Разрешите папироску, товарищ полковник.

Полковник удивился, пакет на стол опустил, руками развел: вот, мол, какой странный человек мне попался, – и вежливо, пальчиком, пачку через стол повез, к Гаузе.

Но только Гаузе дотянулся до пачки, как кулак его снова настиг. И на пол свалил с помутнением сознания. А в глаза зайчики били, потому что полковник привстал, даже через стол перегнулся, смотрел на Гаузе с сочувствием, но пачку папирос тем временем спрятал в ящик стола.

– Пускай отдохнет до суда, – сказал полковник. – Намайлся.

Он из воздуха бумажку взял, протянул Петру Гаузе.

Гаузе бумажку получил, а Левкой к нему наклонился, авторучку подал, показал, где расписаться в получении.

Это повестка была.

«Товарищеская тройка приглашает Вас явиться на разбор Вашего дела в любое удобное для Вас время от 15 часов до 15 часов 3-х минут завтрашнего дня».

Левкой ручку забрал обратно и стал подталкивать Гаузе к двери, сапогами, и Гаузе даже одобрял его брезгливость, потому что Гаузе был очень грязен.

На четвереньках выполз Гаузе в холл, сержант за столиком головой покачал – ах как нехорошо здесь ползать! – обошел спереди, но не помог, а наступил на руку, очень больно. Гаузе руку подобрал под себя и упал головой вперед. Дальше он не помнил.

5

Петру Гаузе казалось, что он спал, только не выспался. И спина закоченела.

Лежал он на нарах, как на вагонной полке.

Было в том вагоне полутемно, Гаузе развернулся из эмбрионального положения, начал елозить спиной по нарам, чтобы спина отошла, и тут понял, что над ним вторые нары и там кто-то есть.

Тот «кто-то» услышал шевеление Гаузе, заскрипел досками – сверху свесились сапоги. Блестящие, со шпорами, съехали вниз, встали у головы Гаузе, и оказалось, что выше сапог – серые кальсоны.

Спустился седоусый старик, крепкий еще. Поверх кальсон поношенный китель.

– Где глаз-то потерял? – спросил он у Петра Гаузе.

– Доброе утро, – сказал Петр Гаузе, человек воспитанный. – Какой глаз вы имеете в виду?

Однако ему только казалось, что он воспитанно разговаривает. На самом деле болтал неразборчиво: рот разбит, язык великоват. Пощупал ладонью лицо – в самом деле, один глаз заплыл, щекой подперт. Догадался:

– Это меня потом били, а я не заметил.

– Бывает. Ты кто будешь?

«Глазок» в двери отодвинулся, оттуда голос:

– П-234 ожидает суда. За побег и экономическую диверсию.

– Ах ты, заботники, – сказал старик, поднялся, к двери подошел, достал из кальсон гвоздь, заклинил им глазок.

Вернулся, спросил:

– Далеко уйти успел?

– Я не ушел, а пришел, – сказал Гаузе. – Все документы утопил и заблудился.

– А номер спорол? Они за это очень серчают.

– Я нашел мертвого человека, на шпалах. С него ватник снял.

– Главное, – сказал старик, – не поддавайся безумию. Я вот сколько лет не поддаюсь?

Сыро, темно, холодно, по стене пауки бегают, окошко трубой под углом вверх уходит. Сколько же лет? Но спросить неудобно, нетактично. Он вместо этого так спросил:

– Где вы чистите сапоги?

– А их чистить не надо. Это личный подарок председателя реввоенсовета товарища Троцкого. Их без ног снять невозможно.

Ну кто из них поддался безумию?

– Где мы находимся? – спросил Гаузе. – Мне многое непонятно. Почему я подвергся избиению и получил повестку? Почему мне никто не верит?

– Повестку покажи, – сказал старик.

Поглядел на бумажку.

– Зря расписался, – сказал он. – Теперь-то уж точно закатают. Тебе сколько оставалось?

– Я, понимаете, по тайге шел, мамонта искал...

– Я тоже бегал, – сказал старик. – Восемь раз бегал.

– Это же недоразумение. Я ниоткуда не убежал. Я сюда случайно пришел. Зачем мне убегать?

– Ну что ж, стой на своем, – сказал старик. – Имеешь право.

Он пошел в угол, там стоял сосуд под крышкой. Старик спустил кальсоны, сел на сосуд. Гаузе отвернулся, чтобы не показаться невежливым. А старик рассуждал:

– Бегство есть бессмысленное действие, но все мы – человеки бессмысленны. Здесь особенно...

Дверь заскрипела, а старик закричал:

– Рано к нам еще!

В камеру вошел солдат с ключами, за ним – неопределенного возраста молодой человек в белом халате с чемоданчиком в руке, за ним – женщина. Врачи?

– Темно, – сказал молодой человек.

Солдат выглянул в коридор и крикнул:

– Сидоров, дай свет!

Лампочка под потолком, голая, желтая, мигнула, вспыхнула – глазам больно.

Мужчина в халате был хоть и молод, но молодость серая, без свежего воздуха, лицо одутловатое, мышцы вялые. А женщина непонятна. В белом платке, завязанном как на косьбе, закрывая лоб, чтобы не обгорел на солнце. Щеки впалые, нос прямой, глаза к полу.

Старик поднялся с судна, застегивая кальсоны.

– По чью душу?

Никто не ответил, никто на него не смотрел, на Петра Гаузе тоже никто не смотрел.

Два солдата кресло внесли. Потертое, сиденье продавлено, пружины наружу. Зубоврачебное кресло. С ручек болтаются, к полу, ремни.

Потом столик внесли, поджарый, скрипучий. Женщина, не поднимая глаз, подобрала с полу чемоданчик, стала раскладывать на столике инструменты. Зубы лечить будут.

– Садись, – сказал молодой человек старику.

– Не пойду, – сказал старик. – Не имеете права.

Солдат старика толкнул. Только старик не шелохнулся.

– Бери его!

Навалились на старика вчетвером. Пошло хрипение, вздохи, ругань и даже визг; старик кусался, норовил задеть солдат шпорами, как петух в драке.

Гаузе хотел вскочить – и головой об нары!

– Отпустите товарища, он сам сядет!

Старик извернулся – шпорой достал до Гаузе. Больно. С продранных джинсов грязь посыпалась.

Гаузе почувствовал обиду, ноги подобрал. Сколько раз говорил себе: «Не вмешивайся, без тебя разберутся».

Разбирались.

Старика скрутили, посадили в кресло, пристегнули ремнями, пыхтели, матерились, радовались победе.

Молодой человек медленно пошел вокруг. Словно высматривал, с какой стороны у старика рот. Потом догадался: спереди, и сказал:

– Крепите.

Солдаты примотали голову старика к высокой спинке, железами со скрипом развели челюсти. Готово.

– Полина, – сказал молодой доктор, – щипцы.

Женщина, проходя рядом с Гаузе, кинула на него равнодушный взгляд. Гаузе вспомнил, что он отвратителен и страшен. Гадок. Отвернулся.

Старик рычал, выл, звякал металл – инструменты о столик.

Гаузе чувствовал отвращение сродни дурноте. Варварство. Тебя, Гаузе, приняли за беглеца. Отсюда же. Объект закрытый. Может, лагерь? Может, этот старик с усами – уголовник, убийца, и ты, Гаузе, ничего не подозревая, провел ночь вдвоем с ним. А может, диссидент? А может, власовец. Нет, должны разобраться. Прошли времена беззакония, канули в прошлое.

Старик выл, инструменты звенели, молодой доктор тяжело дышал. Гаузе бросил взгляд на старика. Любопытство – ходят же смотреть на зверскую казнь. В журнале от фотографии расстрела не отвернутся.

Лицо старика в крови, усы в крови. Бьется старик, хрипит, а в дверях – товарищ полковник. Весь из шариков, наблюдает. Встретил взгляд Петра Гаузе, прямым ходом к нему, присел на край нар, словно в гости заглянул.

– Как тебе у нас? – шепнул.

– Что происходит? Куда я попал?

Полковник щупал ткань джинсов.

– Товарищ полковник...

Полковник пальцем помахал перед носом, шепнул Гаузе на ухо, дружески:

– Я тебе, падло, не товарищ, тамбовский волк тебе товарищ. Так, может, ты вовсе и не П-234?

– Вот именно.

Старик завопил, полковник поморщился.

– Гаузе, говоришь?

– Гаузе, Петр Петрович.

– Дурак ты, что ватник снял. Теперь ты – П-234, навесим тебе еще одну десятку, помяни мое слово. Иного выхода нам отчетность не позволяет. Если тебя не будет, на что мы П-234 спишем?

Звяк – зуб об алюминиевую тарелку.

– Коренные рвать? – спросил молодой доктор.

Полковник легко вскочил с нар, подбежал, заглянул в рот старику.

– Оставляй. Пускай побалуется. Мы не изверги.

Старик обмяк в кресле. Кровь струилась по серой рубашке, по кителю, на кальсоны, на сапоги.

Полковник вытащил из кармана синих галифе плоскую фляжку. Подошел к молодому доктору, тот голову быстро запрокинул, ему в горло из фляжки было налито. Потом полковник к женщине подошел. Та отвернулась.

– Полина, за службу, – сказал полковник. – Прими.

Пожал плечами, поглядел на Гаузе, словно хотел и ему предложить, но передумал, спрятал фляжку и пошел вон.

Солдаты наклонили кресло, свалили старика на пол. Женщина собрала инструменты со столика в чемоданчик. Отдельно унесла тарелку с зубами. Солдаты остальное унесли. Старик лежал, открыв рот – а зубов нет. Ни одного – только черные десны.

6

В полдень принесли две миски с баландой. Откуда-то слово вспомнилось. Старик мычал, страдал. Может, ему теперь челюсти вставят?

– Вам челюсть вставят?

Старик головой покачал, взял свою миску, всосал жижу беззубым ртом, потом пальцами ошметки капусты в рот заложил, поглубже затолкал, сглотнул. Что-то сказал, а что – непонятно.

Старик вытер сапоги рукавом рубахи, добрел до стенки, стал в нее отстукивать. Потом послушал, что отвечают.

Но тут пришел солдат, позвал:

– П-234. На суд.

Старик от стучания отвлекся, хлопнул Гаузе по спине: иди, мол.

По обе стороны коридора запертые двери. Одинаковые. В коридоре сыро, голые лампочки кое-где.

Солдат провел Гаузе по узкой лестнице, по коридору – почище. Там, за решеткой, второй солдат ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.